

В 1994 г. в издательстве «Петербургское Востоковедение» скромным тиражом вышла книга языковеда-романиста Н.Л. Сухачева, озаглавленная: «Перспектива истории в индоевропеистике: К проблеме “индоевропейских древностей”». В 2007 г. вышло второе, исправленное и дополненное (впрочем, немного) издание этой книги в московском издательстве URSS, специализирующемся на издании научной и учебной литературы, особенно по лингвистике. С этим переизданием книга становится явлением в научной литературе и уже не может пройти мимо внимания исследователей.

Для серьезного языковеда рассматриваемая книга представляется странной, чтобы не сказать больше. Дело даже не в том, что в последовательности глав трудно уловить единую линию и единую мысль. Только сначала как будто бы улавливается хронологическая последовательность развития («Философия и компаративистика», «Фольклористический этап “лингвистической палеонтологии”», «От “антропологии” к археологии»), а затем историческая последовательность «тает» («Родословное древо или теория волн», «Индоевропейский и “древнеевропейский”»), потом снова появляется («Культурно-историческая реконструкция на новом этапе») и снова «тает» («Словарь и культура», «Глоттогенез как проблема истории», «Индоевропейцы в “доистории”»). Автор и сам поясняет, что главы «относительно самостоятельны», что он предпочел метод «монтажа», «сохраняющий грубые швы предварительной разметки и раскройки материала» (с. 16).

Я оставляю в стороне также тот факт, что все иллюстрации лишены ссылок на источники. Более странно другое. Книга построена на

обзоре научной литературы, причем не по первоисточникам, а по обзорам же – из вторых и третьих рук, что автор откровенно декларирует и защищает (с. 14). При таком подходе просчеты просто неизбежны. Так, в книге неоднократно упоминается известный венский археолог и глава школы В. Копперс (W. Koppers), повсюду превращенный автором в Коopers’a (так и в списке литературы, и в указателе); виднейший английский археолог Стюарт Пиготт стал офранцузенным С. Пигго (в указателе тоже); испанец Босх-Жимпера (Bosch-Gimpera) упоминается как Бош-Гимпера (это частая ошибка, но уж романист не допустил бы этой ошибки, если бы пользовался первоисточниками).

Вопиющие пробелы есть и в содержании. Малоазийская гипотеза происхождения индоевропейцев обсуждается только в связи с великолепной книгой Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова, которые действительно первыми серьезно обосновали эту гипотезу, но все же в мире эта гипотеза больше связывается с книгой англичанина К. Ренфру «Язык и археология», переведенной на множество языков. Именно Ренфру увязал распространение индоевропейцев с неолитизацией Европы. А в книге Сухачева он упоминается мельком по частному поводу.

М. Гимбутас возродила степную гипотезу происхождения индоевропейцев, которую до нее проводил из археологов Г. Чайлд, перевернувший концепцию Г. Косинны: тот выводил «индогерманцев» из Северной Европы во все стороны, в том числе и в восточноевропейские степи, а Чайлд повернул эти миграции вспять – из степей в Северную Европу. За ним то же сделала М. Гимбутас. А в книге Сухачева неоднократно сказано, что Гимбутас

«перевернула» концепцию Чайлда (с. 168–173). Что опять из Северной Европы в степи? Но она же далека от этого!

Н.Л. Сухачев спутал две концепции Чайлда: о диффузии неолитического хозяйства (да и бронзового века) из Переднего Востока в Европу и о миграциях индоевропейцев из степей. Но первую Чайлд не связывал с индоевропейцами. Это Ренфру увязал. Первым же из археологов выступил против Косинны со степной прародиной индоевропейцев его ученик Э. Вале. У Э. Вале (не упоминаемого в книге Н.Л. Сухачева), по-видимому, заимствовал эту идею Чайлд (вряд ли он не читал работы Вале) и наверняка заимствовала Гимбутас, которая стажировалась у Вале в Гейдельберге. Гимбутас придала этой идее феминистскую окраску (патриархальные степняки-индоевропейцы сокрушили матриархальную доиндоевропейскую цивилизацию Европы) и археологическую вульгаризацию (объединив дюжину археологических культур степей в одну «курганную культуру»). Благодаря этой вульгаризации гипотеза Гимбутас стала необыкновенно популярной среди не-археологов и археологов, не специализирующихся по Восточной Европе.

Почему же Н.Л. Сухачев избрал столь рискованный способ обращения с материалом? Дело в том, что он подает свою цель как «историографическую» (с. 15): «меня интересуют чаще всего не так авторские идеи в их первоизданном виде, не искаженном повторными пересказами и научным преданием, как само это “предание”, сам факт восприятия и функционирования соответствующих идей в филологической среде» (с. 14). И дальше: «Я не собираюсь ни оспаривать, ни подкреплять какие-либо из существующих гипотез “узкой прародины”» (с. 15).

Простите, явный камуфляж. Именно это автор и вознамерился сделать. Все гипотезы узкой прародины критикуются и отвергаются, кроме одной, малоазийской, которая подкрепляется всем ходом рассуждений и отстаиванию которой специально посвящена последняя глава: «В заключительной главе сделана попытка согласовать гипотезу об “азиатской прародине” индоевропейцев с выявленными к настоящему времени процессами становления древних цивилизаций Европы и Азии» (с. 16).

Вся суть в методе отстаивания, в методе решения проблемы происхождения индоевропейцев, в методе реконструкции. Видимо, издателей привлек в этой книге именно тот скепсис, с которым автор относится к существующим методам реконструкции прошлого индоевропейской семьи языков. С точки зре-

ния автора, нет продвижения ни в лингвистике, ни в археологии. Более того, его и нечего ждать.

Лингвисты выявляют звуковые законы, стараются анализировать изоглоссы, устанавливать связи между языками, реконструировать праязыки, на основе лексического материала определить территории и социум праязыков, стало быть, в общих чертах эпоху. Но во всем этом огромна доза неопределенности, знаний катастрофически не хватает, и солидные лингвисты на одних и тех же основаниях строят разные гипотезы. Минимум пять разных прародин очерчивают лингвисты. Они ждут помощи от археологов.

Археологи препарируют результаты раскопок, сравнивают артефакты, выявляют археологические культуры, обрисовывают древние миграции и культурные влияния, устанавливают хронологию и преемственность культур, но не могут с достаточной уверенностью сказать, какие народы представлены древними культурами. От каждой культуры корни расходятся в разные стороны, и археологи отдают предпочтение тому или иному по субъективным основаниям. А чаще просто подтверждают ту или иную гипотезу лингвистов – по личным склонностям или господствующей моде.

По тем представлениям, которые старательно обрисовывает автор, лингвисты и археологи перебирают и рекомбинируют одни и те же аргументы, а выйти из порочного круга не могут: «Таким образом, реконструкция прародины оказывается формулой веры, а не вопросом метода» (с. 130).

Где же выход? А выход автор (филолог) видит в обращении к третьей науке – истории: «Представляется, что коль скоро и языковеды и археологи ставят перед собой общую задачу культурно-исторического содержания, то и решать ее следовало бы на едином основании, не подверженном воздействию субъективных допущений, произвольности авторских интерпретаций, ошибкам частных методик исследования. Для этого методы реконструкции исторического прошлого, по крайней мере, ее аксиомы должны быть *не лингвистическими и не археологическими, а историческими*. Необходим разумный выход из порочного круга идей, в пределах которого лингвисты обращаются за подкреплением выдвигаемых ими гипотез к археологии, а археологи привлекают для доказательства своей правоты лингвистические доводы. И те и другие зависят в своих выводах от способа видения истории, от тех образов человеческого прошлого, которые существуют и сосуществуют в научной и культурной среде» (с. 8).

Далее автор поясняет: «Я стремлюсь разобратся в сути исторической концепции индоевропеистики, а не в результатах ее прикладного применения с целью обнаружения границ “прародины”... Я исхожу из уверенности в том, что умозаключения исторического характера должны быть соразмерны не лингвистическим, археологическим и тому подобным аргументам, а согласованы прежде всего с ходом самой истории. Они должны вытекать из сложившейся исторической концепции, которая опирается на более или менее достоверные реальности “доистории”, если таковые в принципе познаваемы» (с. 125).

Итак, «объектом внимания оказывается идея истории...» (с. 14). Нет слов, если подходить к материалу историографически, развитие и смена концепций лингвистики и археологии несомненно зависят от сдвигов общеисторического мышления и от философии истории, от политики и истории культуры. Хотя не только от них. В значительной мере движущими факторами этого развития являются новые открытия, обогащение базы фактов, а также развитие методов и техники исследования и, наконец, подключение все новых и новых отраслей знания.

Н.Л. Сухачев соглашается с В. Георгиевым в периодизации развития сравнительно-исторического языкознания (с. 118). Первый период проходил с 1816 г. по 1870 г. Это был период первоначального накопления и систематизации фактов. Поскольку господствовала библейская философия истории с девизом *ex oriente lux*, преобладала в разных вариантах концепция азиатской прародины индоевропейцев. Второй период, с 70-х годов XIX века по 20-е годы XX века В. Георгиев характеризует раскрытием закономерностей в развитии звуковой структуры слова, а Н.Л. Сухачев добавляет факторы философии истории – вдохновляющую роль дарвинизма, эволюционизма и национального самосознания центрально-европейских исследователей, усиливших притязания Европы на роль прародины индоевропейцев. Третий период В. Георгиева, с 20-х по 70-е годы XX в., характеризуется открытием ряда неизвестных ранее индоевропейских языков (кентумные языки на востоке ареала), а в силу кризиса позитивизма из философии истории в языкознание проникли идеи языкового смещения, лингвистической непрерывности, подрывавшие понятие единого праязыка. Четвертый период Н.Л. Сухачев добавил к георгиевским трем. По Н.Л. Сухачеву, он характеризуется пересмотром «исторической логики», «заложенной в основания индоевропеистики». Ухваченная некоторыми лингвистами историческая «картина мира»

неминуемо приводит к возрождению азиатской концепции прародины индоевропейцев, пусть ее и не приемлют археологи. С исторической «картиной мира» не поспоришь. Она должна иметь приоритет.

На деле на изменениях отношений к тем или иным гипотезам прежде всего сказывались открытия новых фактов и обогащение методического арсенала. Об *открытии новых языков* уже было сказано, а оно ведь первернуло представления о значении кентум-са-темного разделения индоевропейского ареала, стало быть, о ветвлении индоевропейского древа. Существенные изменения в ареальные границы вносили новые открытия *палеобиологии* – сведения о древних распределениях флоры и фауны, климатических зон и морских берегов, иные по сравнению с современными. *Археологические* открытия новых культур и новых отношений между культурами то и дело вносили существенные коррективы в старые представления. Открытая в середине XX века *глоттохронология*, при всей ее неточности, все же дает несомненную ориентировку в хронологии распада праязыков, и в тенденции это все более отодвигает в прошлое существование праязыков (поправки Старостина и компьютерные расчеты американцев и новозеландцев ведут в одном направлении). *Радиоуглеродная революция* середины XX века удревнила на тысячу – полторы тысячи лет европейский неолит и бронзовый век по сравнению с восточным, и это обусловило резкую перемену взглядов на соотношение европейской и азиатской прародин. В последние годы все больше веса приобретает *палеогенетика*, которая устанавливает заселение Европы переднеазиатским населением в неолите, но только южной и части центральной Европы, тогда как в северной части Европы, по-видимому, происходило восприятие неолитической экономики старым мезолитическим населением. Индоевропейский язык мог возникнуть как в результате приноса с юга, так и в ходе ассимиляции пришельцев.

Все это надлежит устанавливать, но исходя из анализа фактов, а не из общей «картины мира». Н.Л. Сухачев все это игнорирует. Для него все это несущественно, не меняет и не может изменить неопределенность ни лингвистических, ни археологических источников, не компенсирует их принципиальную неполноту. К фактам Н.Л. Сухачев относится пренебрежительно: «Факты – не более, чем материал для историка. Подлинными его объектами являются движущие силы, позволяющие реализоваться одним фактам и не дающие проявиться другим (автор явно путает факты с событиями. – Л.К.). До тех пор, пока куль-

турно-историческая реконструкция индоевропейских древностей будет озабочена лишь приемами согласования разных фактов, заимствованных из лингвистики, археологии, антропологии, этнографии, палеоботаники, палеоэкологии, палеогеографии и целого ряда других источников, она обречена на самые противоречивые интерпретации одних и тех же «аргументов» (с. 214).

По мнению Н.Л. Сухачева, нужно разорвать этот порочный круг, обратившись к «исторической картине мира», которую дает история, взятая в ее полном виде, то есть включая доисторию (преисторию, историю первобытного общества), и уловить новую модель доистории: «...преодоление историзма языкознания требует не только пересмотра прежних представлений, сколько полного обновления модели “доистории”. Пока этого не произошло, индоевропеистика обречена на движение в порочном круге “археологических” доказательств, в свою очередь обусловленных привычными филологическими стереотипами» (с. 167).

Я окончил исторический факультет Ленинградского университета (параллельно учась и на филологическом), а потом преподавал там. Я хорошо усвоил одну истину: что история – наука синтеза. Она опирается на источниковедческие дисциплины – письменное источниковедение, археологию, лингвистику, топонимику, физическую антропологию, этнографию, фольклористику с мифологией и другие. Обращаться к ней за решающими фактами было бы смешно. У нее нет каких-то своих, других источников, кроме тех, которые препарируют для нее эти дисциплины. На поздних этапах она пользуется почти исключительно письменными источниками и почти сливается с письменным источниковедением, но проблема происхождения индоевропейцев решается не на этих этапах, а на более ранних, где синтезная природа истории выступает в полной силе. Поэтому не археология с лингвистикой должны обращаться к истории за решением своих проблем, а история должна обращаться к археологии и лингвистике за материалом. Разумеется, не только к археологии и лингвистике, но и к топонимике, антропологии, этнографии, фольклористике и т.д.

Только в одном смысле можно понимать положительно рекомендацию обратиться к истории для решения лингвистических и археологических проблем – прибегнуть к историческому синтезу, решать их комплексно, сопоставляя лингвистические данные с данными археологии, антропологии, топонимики, палеогенетики и т.д. и разрабатывая продуктивные и надежные методы этого сопо-

ставления. Вот это действительно дело истории (в нашем случае преистории).

Но это означало бы скрупулезную возню с фактами разных источниковедческих наук, оценку и сравнение их значимости, выверку методов синтеза и интерпретации – все то, что автор с таким элегантным скепсисом отбрасывает. Вместо этого автор уповает на всепобеждающую силу «общей картины мира» – тоже, конечно, не вообще самой современной, а той, которая полюбилась ему. Много лет он участвовал с покойным археологом И.Н. Хлопиным в раскопках могильника Пархай в Туркмении (И.Н. Хлопин написал предисловие к первому изданию книги Сухачева). Они нашли там весьма древние культурные отложения, имеющие некоторые аналогии в причерноморских степях. И, как это нередко бывает с раскопщиками, оба прониклись убеждением, что в их раскопе открыты ключи к решению основных проблем преистории. Что там им приоткрылась картина мира.

Первоначально «перспектива истории» рисовалась как три стадии первобытной экономики – охотничье-собирательской, скотоводческой и земледельческой, но в последнее время она изменилась: ныне преисторики исходят из двух стадий (с. 10–11) – скотоводческо-земледельческая экономика предстала одной стадией (специализация на скотоводстве сложилась в узком регионе и поздно). Это побудило некоторых исследователей соотнести индоевропеизацию Европы с расширением ареала «земледельческо-скотоводческих культур» (с. 12). Кстати, это как раз и проделал игнорируемый Н.Л. Сухачевым Ренфру. Но он не ссылаясь на философскую картину мира.

Н.Л. Сухачев неоднократно критикует Сафронова за эклектичность и другие грехи: Сафронов попытался объединить азиатскую прародину с европейской в динамике переселения индоевропейцев – он это называет «прародины индоевропейцев». Но модель «разорванной прародины» Сухачева (с. 199, 214) – это ведь то же самое, только другими словами!

В этой аргументации обращения к «логике истории», к «философии истории», к «общей картине мира» вместо конкретных фактов сказывается в новом обличье застарелое советское пристрастие к философии (тогда, разумеется, марксистской) как науке наук, как учительнице и руководительнице всех наук, дающей им критерий верности. Тогда основной путь к истине состоял в наложении философской концепции на материал и подчинение материала этой концепции. Это в сущности продолжение натурфилософии – своеобраз-

ная социофилософия. Не случайно Н.Л. Сухачев с таким тщанием прослеживает, к каким лингвистическим выводам вела та или иная философская концепция – Гумбольдта, Гердера, Шлегеля, Кондорсе. Эту традицию выводить представления о языке из философии он протягивает в современность. Добро, если это рассматривается как историографические поиски духовных корней, но если они превращаются в метод решения проблем, то это можно рассматривать как пережиток социофилософии.

Таким образом, перспектива истории в индоевропеистике представляется мне совершенно иной, а «философско-исторический»

метод решения проблемы «индоевропейских древностей», предлагаемый Н.Л. Сухачевым, – абсолютно неприемлемым. Именно опасение за то, что эта книга посеет скепсис и разочарование в конкретных исследованиях и в сопоставлении реконструируемых языков и археологических культур, что она обратит молодых исследователей на легкий путь выведения полюбившихся выводов из философских «аксиом», заставило меня взяться за написание настоящей рецензии.

Л.С. Клейн